

Е. Н. Мастеница

Литературные музеи России: генезис и эволюция

Ретроспективный анализ истории возникновения и эволюционного становления литературных музеев России позволил определить причины и время их зарождения, а также выделить периоды их развития как культурной институции. Выявлены подходы к проблеме соотношения подлинного и типологического в литературной экспозиции. Литературный музей рассматривается как модус культуры конкретного исторического периода в контексте трансформаций моделей сохранения и репрезентации литературного наследия.

Ключевые слова: литературный музей, генезис, мемориальный музей, историко-бытовой музей, подлинность, литературная экспозиция

Elena N. Mastenitsa

Russian literary museums: genesis and evolution

The retrospective analysis of the museums and ways of its evolutionary formation has allowed to define time of its origin and to allocate four periods in history of their development as cultural institution. Approaches to a solution of the problem of correlation between original and typological in a literary exposition are revealed. The literary museum acts as a mode of the concrete historical period culture, and therefore is considered in the context of transformations of literary heritage preservation and representation models.

Keywords: literary museum, genesis, memorial museum, historical and household museum, authenticity, literary exposition

Приоритетная модальность изучения феномена литературного музея связана с его осмыслением истоков его появления и развития как культурной институции. Несмотря на наличие ряда специальных трудов¹ и отдельных работ², в том числе и автора данной статьи³, проблематика истории литературного музея в контексте трансформаций моделей сохранения и репрезентации литературного наследия является по-прежнему не разработанной в музеологическом и культурологическом ракурсах.

Прообразами литературных музеев традиционно считают хранилища древних рукописей в храмах и монастырях, а также собрания церковных, частных, государственных библиотек, что характерно для протомузейного периода в истории отечественной культуры. Появление первых музеев, которые позднее получают согласно профильной классификации название «литературные», было связано с желанием увековечить память о выдающемся писателе, проявлявшееся в различных способах мемориализации. Литературные музеи в России возникли достаточно поздно. Современными исследователями установлено, что лишь спустя полвека после гибели А. С. Пушкина в 1937 г. при Императорском Александровском лицее была открыта Biblioteka Pushkiniana (1879), преобразованная через десять лет в музей⁴. В 1883 г. при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге по инициативе начальника училища барона А. А. фон Бильдерлинга был создан музей М. Ю. Лермонтова, в 1908 г. –

музей А. С. Пушкина в с. Михайловском Псковской губернии, в 1911 г. – музей Л. Н. Толстого в Москве и Петербурге, в 1912 – музей М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. В системе органов государственного управления царской России не существовало специального ведомства, которое руководило бы музеями и вырабатывало единую политику в их отношении. В силу отсутствия четких представлений о том, что такое литературный музей, каким он должен быть и что он должен сохранять, а также специалистов, способных осуществлять подобную деятельность профессионально, названные примеры трудно назвать музеями в современном понимании этого феномена. Тем не менее их возникновение стало знаковым и значимым явлением культурной жизни России.

Литературные музеи, появившиеся в конце XIX – начале XX в., хотя и были единичны, но могли служить подтверждением начинавшего набирать силу процесса мемориализации. На начальном этапе он не был напрямую связан с созданием музеев, а скорее означал признание права на память и почитание. По отношению к деятелям литературы это признание выражалось в различных формах: издание сочинений и материалов к биографии, выявление и обозначение «памятных мест» (кабинет, комната, дом, часто называвшиеся «уголок поэта»), собиране «памятных предметов», установка памятных знаков (памятников, мемориальных досок), празднование юбилеев, преимущественно посмертных, и, наконец, создание Пантеона. Так, значение А. С. Пушкина как «великого гения», «про-

рока», «народного поэта» впервые было публично провозглашено в речи Ф. М. Достоевского в 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, а затем на празднике, посвященном А. С. Пушкину, который впервые состоялся в этом же году в Москве в честь открытия памятника поэту, созданного скульптором А. Опекушиным. Вместе с открытием музея в Императорском Александровском лицее мемориализация проявлялась в установке мемориальной доски на доме по адресу наб. р. Мойки, д. 12 (1880), открытии памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге (1884) по инициативе Петербургского городского общественного управления и по решению Городской думы. Таким образом, увековечивание памяти поэта явилось началом признания его символом национальной культуры и с особой силой проявилась в празднование 100-летия со дня его рождения в 1899 г. В связи с подготовкой к празднованию юбилея впервые на государственном уровне была принята попытка решения проблемы сохранения усадьбы А. С. Пушкина в Михайловском как историко-культурного объекта. Выкуп у наследников и создание благотворительного учреждения (Колония для престарелых литераторов имени А. С. Пушкина) следует рассматривать как признание исторической и культурной ценности усадьбы поэта⁵. Воплощением идеи «Одеона имени Пушкина», «дома корифеев литературы», единого пушкинского центра стало открытие в 1905 г. уникального для России учреждения – Пушкинского Дома, в структуре которого изначально существовал и существует поныне музей.

Первое десятилетие советской власти положило начало развитию литературных музеев как культурных институций и формированию сети литературных музеев в России. После революции 1917 г. организация монографических музеев происходила достаточно бурно и результативно. Были открыты государственные музеи: И. С. Тургенева в Орле (1918), Н. Г. Чернышевского в Саратове (1920), А. П. Чехова в Ялте (1921), музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве (1928); музеи-усадьбы: С. Т. Аксакова (Абрамцево под Москвой, 1918), Ф. И. Тютчева в Мураново под Москвой (1920), Л. Н. Толстого в Москве (1920) и Ясной Поляне (1921), А. С. Пушкина в Михайловском (1922) и др. Появляются музеи, посвященные истории русской литературы: в Москве – Литературный музей при Государственном Румянцевском музее (1921), Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (1930), которые в 1934 г. были объединены в Государственный литературный музей. Пушкинский дом был преобразован в 1930-е гг. в Институт русской литературы АН СССР, сохранив библиотеку, архив и музей.

В период политики национализации историко-культурного наследия создание музеев в тех писательских усадьбах, домах, квартирах, где до этого жили наследники или другие владельцы, с одной стороны, может рассматриваться как способ физического сохранения объекта, с другой – музейфикация 1920-х гг. – это целенаправленная установка новой государственной идеологии, ставившей целью создание официально признанной и регламентированной государством «системы памяти». Ее частью был и ленинский план монументальной пропаганды, включавший всего лишь двадцать имен русских писателей⁶. В музейную «систему памяти» также были отобраны представители литературы, творческое наследие которых надлежало хранить и изучать. На смену понятию «национального гения» пришло понятие «национального достояния». По мнению О. Н. Купцовой, «мемориальные музеи 1920-х гг. – это своеобразная консервация пространства и реализация метафоры „остановившегося времени“». В тех случаях, если музеем становилось пространство, в котором умер великий человек, это воспроизводилось буквально: с помощью часов, на которых навсегда осталось одно и то же время – время смерти. Такой мемориальный музей – это своего рода посмертная маска дома, квартиры, комнаты. Или <...> инсталляция из мебели и предметов быта, в которой вещь и владелец тождественны и связаны между собой по метонимическому принципу: комплекс предметов... является портретом мемориального лица, а человек – это созданная им предметная, вещная среда, вполне в духе эстетики натурализма⁷. Советская идеология, порицавшая «вещизм» как враждебный и мещанский признак ушедшей эпохи, сакрализовала именно предметный мир: мемориальную обстановку и личные вещи великих писателей. Экспозиция такого музея была строгой, в ней отсутствовало образное начало, а его атмосфера была благоговейной и возвышенной. В пространстве такого музея невозможным считалось проявление иронии, и была недопустима игра. Таким образом, литературный мемориальный музей первого десятилетия советской эпохи практически ничем не отличался от мемориального музея любого другого великого человека: художника, ученого, композитора, революционера или политического деятеля. Поэтому в период расцвета историко-бытовых музеев в музейведческой литературе того времени подобные музеи часто обозначали термином «музей писательского быта».

Однако анализируя историю литературных музеев, мы не можем не отметить признаки их эволюционного развития – от историко-бытовых музеев в 1920-е гг. к собственно мемориальным

музеям в 1930–1950-е гг.: музей Н. В. Гоголя в с. Великие Сорочинцы Полтавской области (1929), Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде (1938), музеи М. Горького в Горьком (1928), Москве (1937) и Казани (1940), музей М. Ю. Лермонтова в Тарханах (Пензенской области, 1939), музеи А. П. Чехова в Таганроге (1935), Мелихове Московской области (1941) и в Москве (1954), музей Н. А. Некрасова в Ленинграде (1949), музей А. С. Пушкина в Москве (1957).

Эволюция была обусловлена не столько количественным ростом, сколько попыткой осмысления ключевого для литературных мемориальных музеев понятия «подлинность». Следует признать, что по отношению к мемориальному пространству или мемориальной среде данное понятие не имеет однозначной трактовки в силу его конвенциональности. Нельзя отрицать, что во многих случаях в созданных в 1920-е гг. мемориальных музеях в разной степени репрезентативности часть подлинности имела место быть. Но в большинстве случаев подлинность реконструировалась, например, как после пожара и разорения «Пушкинского уголка» в Михайловском в 1918 г., а зачастую имитировалась или даже мистифицировалась. В случае невозможности показать подлинную жилую обстановку, или когда воссоздание мемориальной атмосферы требовало длительных специальных исследований, возникало неизбежное использование типологических предметов, аналогичных интерьеров при создании мемориального пространства, что можно рассматривать как компромисс, при котором подлинность уже превращалась в недостижимый идеал.

Литературный музей того времени не подразумевал многозначности трактовок и многоуровневого восприятия, не преследовал цели отразить индивидуальность меморируемого лица, не предполагал демонстрации особенных черт его характера, возможных странностей или эксцентричностей. Экспозиции такого рода музеев были лишены образности и сюжетной динамики, поскольку были статичны по своей природе. Они никак не способствовали погружению в сам процесс или специфику литературного творчества, в образный мир, а лишь запечатлевали официальное признание литературного наследия автора и свидетельствовали о праве на музеефикацию. Вследствие этого кабинет писателя всегда являлся «святая святых» экспозиции и наиболее сакрализованым местом литературного мемориального музея. Все писательские кабинеты с неизменным присутствием мемориального письменного стола с «недописанной рукописью» были похожи как близнецы. Музейному посетителю отводилась роль пассивного и безмолвного свидетеля, а литературная экскурсия была своего рода па-

ломничеством с просветительской целью, поскольку не предполагала личной воли, соучастия или сотворчества музейного зрителя. Как отмечает О. Н. Купцова, «пространство первых мемориальных музеев было торжественно и как будто бы вечно, в результате чего напрашивается параллель: мавзолеей для вождя и дом-саркофаг, кенотаф для великих людей»⁸.

1960–1980-е гг. стали временем бурного развития литературных музеев в России, отмеченным не только необычайным ростом их популярности, но и эволюционированием музейных форм репрезентации и интерпретации литературного наследия. В этот период возросло количество литературно-мемориальных музеев, получили статус музеев-заповедников созданные в 1920–1930-е гг. музеи-усадьбы писателей. Музей-заповедник становится формой сохранения и представления широкого спектра историко-культурных и природных объектов, обширных территорий, связанных с местами пребывания писателя и вдохновлявших его на творческие откровения. На музейной карте России появляются музеи-заповедники С. А. Есенина в с. Константиново (1984), М. А. Шолохова в станице Вешенская (1984), В. М. Шукшина в с. Сростки (1992) и др.

Важной тенденцией рассматриваемого периода стало создание новых музеев, посвященных истории литературы определенного региона, например, Музей писателей-орловцев (Орел, 1957), Объединенный музей писателей Урала (1980), Дальневосточный литературный музей (Хабаровск, 1981), Литературный музей Кубани (Краснодар, 1988). Их становление в значительной степени стимулировали расцвет литературного краеведения, инициативы деятелей культуры на местах. Подготовка историко-литературных экспозиций подразумевала привлечение широкого круга исторических и типологических материалов, дающих возможность показать региональные литературные процессы в историко-культурном контексте, что обусловило поиск концептуальных оснований литературной экспозиции, принципов построения, а также новых средств художественной выразительности.

Серьезные изменения в трактовке «мемориального» произошли в 1970-е гг., и связано это было снова с именем А. С. Пушкина и музеефикацией мемориальных пушкинских мест. Статус музея-заповедника получают «Пушкинские Горы», «Болдино», возникает монографический литературный музей А. С. Пушкина и его эпохи в Москве, создателем и первым директором которого был выдающийся деятель советской и российской культуры А. З. Крейн⁹, открывается первый в России музей литературного произведения – «Дом станционного зрителя» в Выре

(Гатчинский район Ленинградской области, 1972). В переживших реставрацию и реэкспозицию или вновь созданных литературных музеях уже допускалось сочетание мемориального и историко-литературного подходов при реализации принципа научной реконструкции. Интересной тенденцией можно считать вторичную мемориализацию, когда «мемориальное» рассматривалось уже не только по отношению к писателю, но и к созданным им литературным персонажам. В экспозиционном пространстве вводились элементы игры, иронии. Наконец, наряду с подлинным было легализовано типологическое. Мемориальные музеи в это время испытывают мощное влияние методов театрализации как в визуальной организации литературной экспозиции, так и в ее вербальном сопровождении. Общие тенденции прослеживаются в театральном искусстве и в создании новых музейных экспозиций 1970–1980-х гг., ярким подтверждением этому служит музей-квартира А. С. Пушкина на Арбате.

С начала 1990-х гг. начинается новый этап развития музейного дела в России и, соответственно, литературных музеев. Однако кризисный и переходный период рубежа XX–XXI в. и начала нового столетия требует специального рассмотрения. Проведенный ретроспективный анализ позволил заострить внимание на периоде зарождения литературных музеев, который можно определить как предысторию становления новой для музеев России профильной группы, проходившего в русле идей мемориализации и результатов их воплощения в жизнь. Процесс эволюционного развития литературных музеев, рассмотренный в историко-культурном контексте, позволил обосновать выделение четырех периодов истории литературных музеев: 1920-е гг., 1930–1950-е гг., 1960–1980-е гг. и новейший этап развития литературных музеев России с начала 1990-х гг. до современности, нуждающийся в пристальном изучении.

Примечания

¹ Что такое литературно-мемориальный музей. М., 1981; Некрасов С. М. История создания пушкинских музеев России, 1879–1998. СПб.: СПбГАК, 1998; Его же. Проблемы экспозиционного воплощения биографии писателя в архитектурно-мемориальном пространстве // Державинские чтения. СПб., 2000. Вып. 2. С. 11–17; Его же. Пушкинские музеи в культуре России: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 259 л.

² Арзамасцев В. П. К истории создания первых литературных музеев в Пензенской области // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1983. С. 124–137; Его же. Биография и творчество писателя в литературно-мемориальном музее // Арзамасцев В. П. «Звук высоких ощущений...»: новое о М. Ю. Лермонтове. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984; Бономи З. А. Литературный музей и общество // Музееведение. Музеи мира. М., 1991. С. 327–335; Вопросы деятельности литературных музеев-заповедников. М., 1981; Ванслова Е. Г. Произведение писателя в литературной экспозиции // Вопросы экспозиционной работы краеведческих музеев: музей и современность. М., 1980. С. 127–148. (Труды НИИ культуры; т. 84); Историко-литературная экспозиция: принципы научного построения: сб. науч. тр. / Гос. лит. музей; отв. ред. Н. В. Шахалова. М., 1984. 110 с.; Лощинин Н. П. Вопросы экспозиции в литературных музеях. М., 1966. 176 с.; и др.

³ Мастеница Е. Н. Из истории музеефикации литературных памятных мест Ленинграда, 1920–1930 // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М.: НИИ культуры, 1992. С. 133–145; Её же. Литературные музеи Ленинграда в 1940–1950 гг. // Музей в современной культуре: тез. докл. СПб.: СПбГАК, 1995. С. 99–100; Её же. Забытые страницы истории петербургских музеев: Толстовский музей в Петербурге – Петрограде – Ленинграде // Тр. Гос. музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 2. С. 187–198; Её же. История литературных музеев в контексте развития русской культуры конца XIX – начала XX в. // Музей в современной культуре. СПб.: СПбГАК, 1997. С. 277–287; Её же. Из истории музейной пушкинианы, 1937 г. // Петербургская пушкиниана: сб. ст. по материалам науч. конф. 17 июня 1999 г. СПб.: СПбГУКИ, 2000. С. 113–120.

⁴ Некрасов С. М. Три эпохи музея. СПб., 2000. С. 5–15.

⁵ Гаврилова Е. А. Пушкинские места псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному музею-заповеднику: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 88.

⁶ Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Г. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, Ф. И. Тютчев, И. С. Никитин, Н. И. Новиков, М. И. Кольцов.

⁷ Купцова О. Н. Первые русские литературные музеи: опыт мемориализации // Дом-музей писателя: опыт и современность: 11-е Гоголевские чтения: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., Москва 1–3 апр., 2011 г. / под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2011. С. 36.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Рыцарь русской культуры: воспоминания об Александре Зиновьевиче Крейне (1920–2000). М., 2005. 206 с.